

УДК 159.9

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124

ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. Л. Солдатова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия.

E-mail: soldatovael@susu.ru

Д. Н. Погорелов

*Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации
работников образования, Челябинск, Россия.*

E-mail: pogorelovdn@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В современном обществе продолжается формирование социокультурной среды, основной характеристикой которой является свободный доступ к разнообразным источникам информации. Массовое распространение сети Интернет оказывает непосредственное влияние на процессы социализации представителей «Z-поколения», которые проводят колоссальное количество времени в киберпространстве, нередко утрачивая при этом способность реального личностного развития, интерес к приобретению навыков реального взаимодействия и эффективных, ничем не опосредованных коммуникаций. В связи с этим актуализируется исследование феномена новой, виртуальной идентичности личности, формирующейся в интернет-среде.

Цель публикации – обсуждение современного состояния изучения виртуальной идентичности и систематизация научных знаний о данном феномене.

Методы, применявшиеся в работе, – теоретический анализ, синтез и обобщение.

Результаты и научная новизна. Рассмотрены различные подходы к интерпретации виртуальной идентичности, обозначены тенденции ее исследования. Соотнесены понятия «реальная идентичность» и «виртуальная идентичность», выявлены особенности и риски формирования последней. Уточнены функции виртуальной идентичности. В общем виде она отражает субъективно-значимый образ «идеального Я», который, однако, компилируется из готового материала, набора символов и графических изображений интернет-среды и поэтому не обладает уникальностью. Описаны факторы конструирования человеком виртуальной идентичности, чаще всего возникающей по причине неудовлетворенности индивида своей реальной идентичностью или вследствие кризиса идентификации, при котором личность утрачивает целос-

тность. Вместе с тем показано, что киберпространство предоставляет широкие возможности для самовыражения и максимального раскрытия личностного потенциала, реализации качеств, проигрывания ролей и переживания эмоций, оказавшихся из-за каких-либо обстоятельств фрустрированными в реальной жизни.

Определены проблемные зоны чрезмерного погружения в виртуальное пространство. Злоупотребляя пребыванием в нем, незрелая личность может потерять жизненные ориентиры, усвоить запрограммированные решения и готовые мыслительные штампы. Социальное расторможение в интернет-среде существенно снижает морально-нравственный уровень коммуникации в социальных сетях и мессенджерах. Стремление всегда «быть онлайн», страх пропустить новое сообщение или пост усиливают тревожность пользователя, приводят к повышению у него утомляемости и раздражительности, ослаблению внимания и волевой регуляции, обострению гиподинамии.

Сделан вывод о необходимости продолжения изучения специфики социализации в интернет-среде, поскольку она вырабатывает новые формы возрастного развития, изменяя его задачи и представления детей и подростков о социальных отношениях, трансформируя в их сознании идеальный образ последующих возрастных этапов.

Практическая значимость. Материалы статьи могут найти применение в деятельности социальных педагогов, педагогов-психологов и иных специалистов, занимающихся вопросами детской и подростковой социализации.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная реальность, виртуальная идентичность, социальные сети.

Для цитирования: Солдатова Е. А., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124

THE PHENOMENON OF VIRTUAL IDENTITY: THE CONTEMPORARY CONDITION OF THE PROBLEM

E. L. Soldatova

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: soldatovael@susu.ru*

D. N. Pogorelov

*Chelyabinsk Institute of Retraining and Advanced Training for Educators,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: pogorelovdn@mail.ru*

Abstract. Introduction. Modern society is characterized by the formation of a new socio-cultural environment, which is based on a wide access to a variety of sources of information. Mass distribution of the Internet has a direct impact on socialization processes of the representatives of “Z-generation” who spend enormous amount of time in a cyberspace, quite often losing at the same time an ability of real personal development, interest in acquisition of skills for real interaction and effective communication. In this regard, the research of a phenomenon of a new, virtual identity of the personality, which is formed in the Internet environment, is brought into focus.

The aim of the present publication is to consider the current level of knowledge in the field of virtual identity and systematization of scientific knowledge of this phenomenon.

Methodology and research methods. Theoretical analysis, methods of synthesis and generalization were used.

Results and scientific novelty. Various approaches to interpretation of virtual identity are considered; research tendencies are highlighted. The concepts “real identity” and “virtual identity” are viewed in relation to each other; the features and risks of virtual identity formation are revealed. The functions of virtual identity are specified. It is revealed that virtual identity reflects the subjectively significant image of the “Ideal-I” which is compiled from the completed material, character set and graphic images of the Internet environment, and therefore does not possess the uniqueness. Factors of designing by the person of virtual identity are described. Virtual identity can arise as a result of dissatisfaction with real identity, as a consequence of the identification crisis, in which the individual loses integrity. At the same time, it is shown that the cyberspace gives ample opportunities for self-expression and maximum personal fulfillment, realization of qualities, playing of roles and experience of emotions which turn out to be frustrated under any circumstances in real life.

Problem areas of excessive immersion into virtual space are identified. An immature personality can lose life orientations as well as acquire the programmed decisions and ready cogitative patterns through excessive Internet use. The social activity in the Internet environment significantly reduces the moral level of communication on social networking sites and messengers. Aspiration always “to be online”, fear to miss a new message or a post aggravate anxiety of the user, increase the feeling of fatigue and uncontrollable temper, scant attention and strong-willed self-regulation, aggravation of a hypodynamia.

The authors conclude that is required to continue to study the specifics of socialization in the Internet environment since it generates new forms of age development, changes the tasks and ideas of children and teenagers about social relations, and transforms an ideal image of the subsequent age stages in their consciousness.

Practical significance. The results of the work carried out can be applied in the activities of teachers, social educators, educators, psychologists and other

specialists who deal with the questions of socialization of modern children and adolescents.

Keywords: identity, virtual reality, virtual identity, social networking sites.

For citation: Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: The contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*. 2018; 5 (20): 105–1024. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124

Введение

В современном обществе широкое использование сети Интернет превратилось в обыденность. С 90-х гг. XX века происходит активное формирование новой социокультурной среды, основная характеристика которой – свободный доступ к разнообразным источникам информации. Появление данной среды знаменует наступление постиндустриальной стадии развития человечества, когда информация становится ведущим ресурсом прогресса¹.

С распространением беспроводных сетей и смартфонов, дающих каждому пользователю возможность ничем не ограниченного пребывания в социальных сетях, наблюдаются все более заметные трансформации в поведении человека [1]. Особенно сильное влияние информационная революция оказала на процессы социализации так называемого «Z-поколения» – людей, родившихся в конце 90-х гг. XX века и выросших в абсолютно отличных от прежних условиях глобального воздействия на психику, физическое самочувствие и мировоззрение сети Интернет, что вызывает сильное беспокойство и у родителей, и у педагогов. Следует признать, что это беспокойство далеко не беспочвенно – чрезмерное использование интернет-ресурсов, как правило, приводит к повышенной утомляемости и раздражительности, снижению внимания и ослаблению волевой регуляции. Сейчас наблюдается рост числа детей с расстройствами аутистического спектра, с синдромами дефицита внимания и гиперактивности. Основными факторами данных тенденций выступают тотальная увлеченность детей и подростков социальными сетями, форумами, мессенджерами и пр.

Стремительное развитие и внедрение в массовую повседневную практику информационных технологий влечет за собой кардинальные перемены стратегий мышления и структуры ценностей современного чело-

---

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технологическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. Москва, 1986. 451 с.

века. Информационные доступность и образованность становятся не столько средствами достижения целей, сколько стимуляторами стремления все больше времени проводить в интернет-пространстве – в виртуальной реальности сетевой публичности.

Личностная, социальная, мотивационная и ценностная зрелость, или, иначе говоря, готовность к взрослой жизни, проявляется теперь у молодежи значительно позже, чем у представителей предыдущих поколений.

Зрелость личности предполагает серьезную психологическую работу над собственной идентичностью. Ответ на вопрос «кто я?» складывается в процессе реального общения, сравнения себя с другими, осознанного изменения себя в стремлении к идеальной форме – физической, умственной, духовной.

Эго-идентичность – это тождественность себе. Становление эго-идентичности происходит через обобщение, кристаллизацию детских идентификаций, обретение ролевого опыта и опыта социальных влияний, рефлексии оценок и ожиданий окружающих. Проходя путь самосознания, человек структурирует свою жизнь: у него формируется система лично значимых целей, ценностей и убеждений, появляются чувства глобального доверия, стабильности, оптимизма в отношении будущего, т. е. признаки зрелой личности.

Представители «Z-поколения» проводят колоссальное количество времени в социальных сетях, в которых, за масками «аватаров» и «никнов», разворачивается виртуальная коммуникация. Социальные сети становятся площадкой для самопрезентации, знакомств, обмена информацией, конфликтов. Чрезмерное погружение в виртуальное пространство приводит к снижению заинтересованности в реальном общении, в рамках которого приобретаются столь важные навыки реальной коммуникации и формируются устойчивые отношения, в том числе и отношение к себе и к миру как основа самоидентификации человека.

Обзор литературы

Тенденции современного изучения феномена «виртуальная идентичность». Жизнь в современном обществе сегодня представляется невозможной без использования сети Интернет. Достаточно пары «кликов» не только для осуществления коммуникации, но и для совершения покупок, оплаты услуг, управления счетами. Это, безусловно, приводит к увеличению времени пребывания человека в киберпространстве. Последствия подобного «погружения» достаточно противоречивы. С одной стороны, значительно экономится время, повседневные, рутинные действия свора-

чиваются и упрощаются. С другой стороны, наблюдается ослабление интереса к развитию реальных личностных качеств, приобретению навыков реального взаимодействия и эффективной коммуникации. Кроме того, возникают проблемы гиподинамии. В связи с этим изучение особенностей виртуальной среды, факторов, влияющих на формирование идентичности в данной среде, приобретает особую актуальность.

В психологических исследованиях идентичность рассматривается с позиций различных направлений:

- личностно-ориентированного (Т. Бьюдженталь, А. Маслоу, Р. Мей, К. Роджерс и др.);
- социально-психологического (Г. М. Андреева, Э. Эриксон, В. И. Павленко);
- в контексте теорий возрастных кризисов развития как специфический феномен юности (М. И. Боришевский, А. Ватерман, И. В. Дубровина, Э. Эриксон, Е. А. Солдатова);
- как глубинный феномен (Д. Винникотт, Х. Кохут, Р. Лейнг).

В публикациях таких авторов, как М. И. Боришевский, П. И. Гнатенко и Л. Б. Шнейдер, освещаются различные аспекты личностной и социальной идентичности: особенности индивидуальной самооценки, становление Я-концепции, переживание групповой принадлежности [2–4].

Идентичность личности – динамическая система представлений личности о самой себе, складывающихся в ходе самоопределения индивида и его определения значимыми для него другими. С этими представлениями связаны переживания личности. Идентичность может быть интерпретирована как психологическое ядро личности, поскольку она (идентичность) включает в себя центральные личностные составляющие: самосознание, ценностно-смысловую и регулятивную сферы.

Особенности формирования личности и социализации представителей «Z-поколения», связанные прежде всего с его продолжительным по времени пребыванием в интернет-пространстве, указывают на необходимость выявления задач, которые ставит перед подростком виртуальное общество, и поиска ответов на вопросы, какие цели и ценности оно формирует у индивида.

Идеальная форма возрастного развития личности, выработанная в определенной культуре, интериоризуется и индивидуализируется в нормативном кризисе. Современная интернет-среда, которая стала неотъемлемым компонентом современной культуры, вырабатывает новые формы возрастного развития. Изменяющиеся социальные отношения меняют возрастные задачи личностного становления; трансформируется идеальный образ последующих возрастных этапов. Фазовая динамика нормативного кризиса оста-

ется такой же, но форма, в которой разворачивается кризис, преобразуется. Общение со сверстниками, в том числе с противоположным полом, развитие рефлексии, самосознания и нравственности, самоопределение личности преломляются сквозь призму интернет-среды, которая предъявляет требования, отличные от тех, что существуют в реальном социуме.

В предыдущих работах одного из авторов данной статьи описаны структура и динамика нормативных кризисов развития личности, которые рассматриваются в русле культурно-исторической теории и концепции становления эго-идентичности. Феномен кризиса развития личности показан с точки зрения нормативного явления онтогенеза. В основе такого кризиса лежит противоречие между мотивацией самоактуализации и развития в соответствии с нормативными критериями ожиданий общества и стремлением сохранить личностную целостность и самотождественность. Решение личностью данного противоречия обуславливает динамику кризиса, а содержание психологических новообразований определяется возрастными задачами развития личности.

Динамика эго-идентичности сопряжена с фазовой динамикой нормативного кризиса, первая фаза которого характеризуется предрешенной идентичностью, вторая фаза – диффузной, третья – достигнутой эго-идентичностью. Предрешенная идентичность сопровождается фиксацией и идеализацией событий будущего либо прошлого, высокой общей удовлетворенностью жизнью, отсутствием внутренних конфликтов. Диффузная эго-идентичность проявляется в неверии в себя; утрате гармонии из-за рефлекслируемых изменений. Достигнутая эго-идентичность определяется обретением личностью целостности и гармонии, осознанным выбором целей, принятием личностных изменений. Новообразования личности, формируемые в процессе нормативных кризисов, детерминируют готовность личности к переходу на новый этап развития. Нерешенные задачи возраста актуализируют различного рода зависимости, в том числе, вероятно, и интернет-зависимости [5–7].

Идентичность в виртуальном пространстве складывается в различных ситуациях из множественных сетевых идентичностей, сознательно используемых индивидом – пользователем сети Интернет [8]. Феномен альтернативных идентичностей в реальной жизни рассматривается как патологическое состояние, исследующееся в рамках психиатрии. В виртуальном же мире появление альтернативных идентичностей воспринимается как норма, не имеющая отношения к психологическим заболеваниям [9].

Виртуальная идентичность, безусловно, связана с самопрезентацией и самоопределением личности. Современные интернет-технологии

открывают возможности для яркого проявления индивидуальности личности и вариативности самопрезентации. Однако интернет-среда таит опасности смещения идентичности, нивелирования индивидуальности личности, формирования нереалистичного образа «Я» [10, 11].

Формирование виртуальной идентичности происходит либо за счет переноса элементов идентичности из реального мира в виртуальный и создания на его базе идентичности в Интернете, либо через активную позицию субъекта деятельности в интернет-пространстве [12].

О феноменологическом разнообразии в изучении виртуальной идентичности. Авторы многочисленных научных публикаций о виртуальной идентичности наделяют данный феномен разными названиями: «кибер-идентичность», «сетевая идентичность», «метаидентичность», «репост-идентичность», «идентичность в виртуальном пространстве».

А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко и Н. Ю. Федунина пытаются развести понятия «виртуальная» и «сетевая идентичность». Первое, по мнению исследователей, следует применять лишь в отношении той активности в виртуальном пространстве, которая проявляется в применении его технических систем для преобразования виртуальных миров, конструируемых посредством программ компьютерной графики. Второе характеризует скорость и легкость видоизменения идентичности вплоть до полной ее замены на нечто противоположное. Такому виду идентичности свойственны множественность и альтернативность, обусловленные особенностями сетевого интерфейса [8].

Виртуальная идентичность есть «составная часть социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном потребление и передачу знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего – в компьютерном виртуальном пространстве Интернета» [13].

Виртуальная идентичность как часть социокультурной усиливает последнюю в виртуальной коммуникации. В то же время ее можно рассматривать и как разновидность пространственной идентичности, поскольку виртуальное пространство информационно-коммуникационных потоков представляет собой среду и одновременно ориентир самоидентификации [14].

Формирование виртуальной идентичности

Процесс формирования виртуальной идентичности имеет ряд особенностей, отличающих его от соответствующего процесса в реальной жизни. Идентичность в виртуальном пространстве всегда технологически опосредо-

вана через использование «ник» и «аватаров». Чем больше «ник» не схож с подлинным именем, а «аватар» – с настоящим материальным обликом человека, тем в большей степени виртуальная идентичность не совпадает с реальной.

Разворачивая активность в виртуальном пространстве, индивид физически не присутствует в ней, что позволяет ему в любой момент прервать взаимодействие с другими пользователями Интернета. Подобное пребывание в виртуальном пространстве порождает у человека чувство псевдобезопасности за счет отсутствия непосредственной угрозы телесных повреждений. Ложное ощущение безнаказанности может провоцировать недопустимый стиль коммуникации, который был бы неприемлем и опасен при реальном общении [15].

Поскольку в социальных сетях, мессенджерах и на форумах пользователь может скрыть истинные данные о себе и коммуницировать анонимно, он получает уникальный канал для открытого, ничем не стесняемого выражения своих эмоций, мнений и суждений. Анонимность существенным образом влияет на формирование идентичности пользователя Интернета и способна привести к социальному растормаживанию. Эффект данного процесса во многом схож с эффектом и механизмами «регресса персоны». Анонимность дает новые возможности для самопрезентации человека, усиливает тенденции «усредненного другого», отражая стремление быть понятным с конвенциональной, общей для всех точки зрения. С. И. Выгонский полагал, что анонимность может обусловить появление безосновательного чувства собственного величия [16].

Одной из проблем, вызванных спецификой коммуникаций в Интернете, стала травля, или буллинг, детей и подростков в виртуальном пространстве. Чувство безнаказанности и анонимность позволяют не достигшим зрелости особям оскорблять своих сверстников, причем не только посредством личных сообщений, но и с помощью статусов, постов и публикаций в социальных сетях. Буллинг в интернет-среде особенно остро ощущается жертвами по причине повышенной значимости для детей статуса личности в виртуальном пространстве. Агрессивное поведение может выражаться в разных формах – от крайне негативных оценок профиля (аккаунта) до откровенного унижения и грубых угроз, из-за которых жертва теряет уверенность в себе, что может служить причиной психических отклонений, депрессии, психосоматических заболеваний и даже суицидального поведения. Дистанцированность от жертвы, анонимность и отсутствие страха физического наказания в социальных сетях способствуют повышению жестокости обидчиков, которые могут создавать вре-

менные платформы для коллективной травли избранного объекта, представляющие собой так называемые «летучие» формы социальности («единство по случаю») [17, 18].

В реальном пространстве человек вынужден тратить значительные психологические и временные ресурсы для самопрезентации и коммуникации. В виртуальной среде конструирование «идеального образа Я» требует несравнимо меньших затрат, однако сопровождается большим искушением (и возможностями) искажения этого образа. За счет меньшего количества ресурсов, затрачиваемых на самореализацию, перед индивидом открывается соблазн чрезмерного погружения в виртуальное пространство, что выступает предиктором интернет-зависимости.

Бесспорно, реальная идентичность более аутентична, в то время как виртуальная очень часто связана с психологическими масками. Чем выше желание «казаться другой личностью», «быть кем-то», тем сильнее трансформирована виртуальная идентичность. Соккрытие или отрицание некоторых фактов о себе, изменение биографических сведений, данных о возрасте, иной информации носят сознательный характер, с тем чтобы в наиболее выгодном свете предъявить коммуникантам образ «идеального Я».

Созданное в сети Интернет новое социокультурное пространство характеризуется множественностью, гипертекстуальностью. Виртуальная реальность позволяет моделировать новый мир и конструировать новую идентичность, обладающую идеальным набором качеств и характеристик. Данный процесс значительно упрощается благодаря тому, что «идеальное Я» выстраивается из готового набора виртуального материала и им же наполняется: содержание виртуальной идентичности представляет собой совокупность знаков, из которых конструируются аспекты нового Я. Но, поскольку подобная идентичность («репост-идентичность») создается из готового материала, она вторична и ее структура лишена уникальности. Репост – общественный текст, который даже при наличии формального автора является комбинацией ранее опубликованной информации¹ [19]. В связи с этим личность в виртуальном пространстве всегда более пассивна. Вместе с тем виртуальная идентичность в отличие от реальной обладает большей гибкостью, возможностью индивида контролировать и своевременно корректировать ее в зависимости от изменившихся условий коммуникации в виртуальной среде [8].

---

¹ Kristeva J. *Desire in language: A semiotic approach to literature and art*. New York: Columbia University Press, 1980. 305 p.

Идентичность в виртуальном пространстве не порождается сама по себе в процессе перехода от одной возрастной границы к другой, а осознанно компилируется из некоторого набора виртуальных инструментов с целью быть презентованной другим пользователям сети. Она позиционируется как социально-одобряемая в том случае, если ее элементы получают отклик других пользователей виртуального пространства в виде «лайков», «комментариев» и «подписчиков». Виртуальные платформы – социальные сети – в данном случае выступают арбитрами престижа и статуса. Чем больше знаков одобрения получает пользователь, тем выше его престиж. Данные показатели престижа эфемерны и утрачивают силу в реальном пространстве. Тем не менее в настоящее время наблюдается тенденции «лайкопристрастия», основанного на патологическом влечении к виртуальному одобрению текстовых и графических компонентов личной виртуальной идентичности.

Искажение информации о себе в виртуальном пространстве социально порицается в меньшей степени, чем искажение данных в реальной жизни. Согласно исследованию А. Е. Жичкиной и Е. П. Белинской, более 50% пользователей социальных сетей и форумов признаются, что в определенной мере фальсифицировали сведения о себе, изменяя имя, возраст, семейное положение, внешность, хобби и т. д. Менее часто подменяется информация о поле, образовании, профессии, месте жительства, музыкальных и художественных вкусах, покупках, услугах и путешествиях, уровне дохода и национальности. Почти не подвергаются искажению сведения о политических и религиозных взглядах [12]. Любопытно, что мужчины намного чаще женщин размещают в Интернете не соответствующие действительности данные о себе [20].

Деформации идентичности в интернет-среде, с одной стороны, указывают на неудовлетворенность человека реальной идентичностью и являются следствием кризиса идентификации, при котором утрачивается целостность личности. Виртуальное пространство превращается в платформу для реализации тех качеств индивида, проигрывания тех ролей и переживания тех эмоций, которые оказываются фрустрированными в реальной жизни [20]. С другой стороны, интернет-пространство предоставляет личности широкие возможности для самовыражения, а виртуальная идентичность позволяет максимально раскрыть личностный потенциал.

Виртуальная идентичность выполняет ряд функций, к основным среди них относятся:

- управление – рациональное выстраивание своего образа для других пользователей сети Интернет;

- самопознание – расширение представлений о собственной личности путем объективации и интеграции ее аспектов;
- мифотворчество – создание мифов о собственной личности;
- «экзистенциальное лицедейство» – желание быть кем-либо, отличным от собственной личности;
- социальная инженерия – использование виртуальной идентичности как инструмента влияния на сознание и деятельность других пользователей.

Связь виртуальной идентичности и реальной идентичности

Анализ особенностей виртуальной среды и характеристик виртуальной идентичности неизбежно подводит к вопросу о том, как связаны между собой идентичность в виртуальном пространстве и реальная идентичность. Альтернативны ли они или взаимодополняемы? Является ли виртуальная идентичность одной из ипостасей реальной или это самостоятельный феномен?

Так, например, О. Н. Астафьева настаивает на том, что идентичность в виртуальном пространстве лишь один из аспектов реальной идентичности [13]. Однако открытым остается вопрос о ее проекции в виртуальную среду.

Ранее упоминалось, что в реальном пространстве феномен альтернативной идентичности рассматривается в качестве проявления такой медико-психологической патологии, как диссоциативное расстройство.

Back и Wilson отрицают построение альтернативной идентичности и полагают, что здоровая личность стремится к аутентичности и самоактуализации как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. Привлекательные своей доступностью электронные инструменты самопрезентации, такие как «аватар», «ник», страницы в социальных сетях, позволяют пользователям легко и свободно конструировать символы, отражающие реальную идентичность их личности. То есть виртуальная среда расценивается авторами не как пространство для построения виртуальной идентичности, а как средство создания виртуальной оболочки реальной идентичности личности [21, 22].

Той же позиции придерживается И. В. Костерина: «Мифы о конструировании и придумывании себе псевдоличностей в блогосфере, кажется, развенчаны окончательно: люди не хотят пользоваться тем преимуществом, которое воспевали раньше обитатели Сети – анонимностью и возможностью примерить на себя другую социальную маску. Теории виртуальной идентичности оказались несостоятельными, так как не смог-

ли объяснить и описать самого феномена виртуальной личности ввиду его полного слияния с личностью реальной» [23].

Идентичность включает в себя такой важный аспект, как индивидуальность человека, стремление быть иным в сравнении с другими людьми. Личность есть комплексная структура, состоящая из множества идентичностей, которые могут быть активизированы или же оставаться пассивными в зависимости от конкретной ситуации, что влияет на такое качество личности, как мобильность.

Н. Деринг подчеркивает, что новые виды идентичности человека не заменяют уже существующие, а развиваются на их основе. Различные проявления идентичности составляют единую комплексную целостность – модель личности. В связи с этим ее виртуальный вариант есть не что иное, как отражение реального образа, находящегося в виртуальном пространстве. Деринг обозначил этот процесс как «Identitäts-Hopping» («быстрая смена идентичностей»). Проведенное автором исследование в виде опроса чат-пользователей выявило, что коммуникации под маской «аватара» и «ника» являются проблематичными, так как весьма вероятен риск разоблачения [24]. Если даже оно не случается, анонимное виртуальное общение некомфортно и ущербно: пользователи, которые, по их собственному признанию, чрезмерно искажали информацию о себе в социальных сетях, постоянно испытывали страх перед уличением во лжи.

Виртуальная среда пестрит многообразием социальных сетей различного содержания, которые являются сегодня одними из самых популярных ресурсов в Интернете. Например, социальная сеть «Фейсбук», входящая в пятерку наиболее посещаемых мировых сайтов, имеет суточную аудиторию, превышающую миллиард человек [25, 26]. Соцсети открывают безграничные возможности не только для новых контактов, для свободной массовой и добровольной коммуникации людей, но и для затрудненных или вовсе невозможных при реальном взаимодействии экспериментов с собственной идентичностью, которые зависят исключительно от воображения человека и реализуются в электронном общении с другими пользователями. Именно так рассматривают виртуальную идентичность Войскунский и Turkle¹: как эксперимент с реальной идентичностью и как альтернативную идентичность [9].

Формирование идентичности в виртуальной среде, контрастирующей с реальной идентичностью личности, может объясняться отсутстви-

---

¹ Turkle Sh. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. New York: A Touchstone Book, 1995.

ем у человека возможностей воплощения в реальной жизни всех граней собственного «Я». Недостаток способов и средств обретения аутентичности в реальном семейном и социальном окружении, в профессиональном пространстве подталкивает индивида к поискам виртуальных компенсаций [27]. Несомненно, виртуальная идентичность складывается из совокупности гипертекстовых компонентов сетевого облика личности, который компилируется из готового материала интернет-среды с целью самопрезентации. Варианты конструирования виртуальной идентичности ограничены ресурсами интерфейса используемой социальной сети, форума или мессенджера.

Виртуальная идентичность в отличие от реальной может в значительной степени контролироваться личностью, корректироваться ею или заменяться; может соответствовать реальной идентичности, а может и существенно отличаться от нее. В последнем случае человек, примеряя на себя роли, которые по тем или иным причинам оказались ему недоступны в реальной жизни, сознательно искажает информацию о себе, стараясь таким образом выразить свои субъективные представления об идеальном «Я» и самореализоваться.

Заключение

Повсеместное распространение Интернета как площадки для коммуникации сопровождается проблемами социализации представителей подрастающего поколения и формирования виртуальной идентичности – принципиально нового и поэтому недостаточно изученного феномена.

Исследование специфики социализации в интернет-среде необходимо, поскольку она вырабатывает новые формы возрастного развития, изменяя его задачи и представления детей и подростков о социальных отношениях, трансформируя в их сознании идеальный образ последующих возрастных этапов.

В социальных сетях человек может без особого труда создать идеальный образ себя, который в сравнении с реальным менее аутентичен, потому что отражает представления личности о воображаемом, идеальном наборе собственных качеств, комплекующихся при помощи готовых визуальных, текстовых и аудиальных сетевых инструментов. Однако уход в виртуальное пространство опасен потерей интереса к реальной жизни и угрожает полноценному развитию личности. Чрезмерное пребывание в социальных сетях, когда индивид начинает тратить колоссальное количество времени на выстраивание отношений в них, чревато появлением зависимости от данных площадок. В таких случаях систематическое обновление страниц в сети пре-

вращается в навязчивый ритуал, соответствующий типу компульсивного поведения. Стремление всегда «быть онлайн», страх пропустить новое сообщение или пост усиливают тревожность пользователя, приводят к повышенной утомляемости и раздражительности, ослаблению внимания и волевой регуляции, обострению гиподинамии.

Растущая, неокрепшая личность, злоупотребляя пребыванием в интернет-пространстве, может потерять жизненные ориентиры, усвоить запрограммированные решения и готовые мыслительные штампы. Социальное расторможение в интернет-среде существенно снижает морально-нравственный уровень коммуникации в социальных сетях и мессенджерах. О подобных негативных процессах свидетельствуют многочисленные социологические исследования [28, 29].

Кроме того, среди представителей нового поколения не редкостью стало бесцельное времяпрепровождение, «виртуальное бродяжничество» в социальных сетях, при котором пользователь не пытается выстроить коммуникации или опубликовать новую информацию о себе. Список интернет-зависимостей пополняется новыми их видами, такими как «лайк-копристрастие» [4] и «цифровые беспризорники» [30].

Таким образом, влияние интернет-пространства на процесс социализации может стать и уже нередко становится причиной недостаточной сформированности навыков реальной коммуникации у представителей «Z-поколения», чье детство, отрочество и юность сопровождаются бурным внедрением в повседневную практику электронных коммуникационных технологий. В связи с этим требуется поиск ответов на следующие вопросы:

- будет ли новое поколение достаточно приспособлено к условиям реальной жизни, законы которой отличны от законов виртуального пространства?
- насколько виртуальная идентичность может заменить реальный «Я-образ» и станет ли для «поколения-Z» виртуальный мир более значимым?
- какие риски несет тотальное погружение в интернет-среду в периоды подросткового и юношеского возраста, которые являются сензитивными для развития личностных качеств?

Ответы на данные вопросы могут быть получены, в частности, посредством более глубокого изучения феномена виртуальной идентичности.

Список использованных источников

1. Мясникова А. А., Дроздова А. В., Архипова Ю. В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 168–172.
2. Боришевський М. Й. Дорога до себе: від основ суб'єктності до вершин духовності: монографія. Київ: Академвидав, 2010. 416 с.
3. Гнатенко П. И. Национальная психология. Днепропетровск: Поліграфіст, 2000.
4. Шнейдер А. Б. Цифровые аддикты: формирование новых зависимостей и изменение личности молодого человека // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 1. С. 72–80.
5. Солдатова Е. А. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
6. Солдатова Е. А. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 169–175.
7. Солдатова Е. А., Шляпникова И. А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 29–34.
8. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 2. С. 98–121.
9. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. 2013. № 1. С. 66–83.
10. Сунгурова Н. А. Виртуальная самопрезентация личности: гендерный аспект // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: монография / под общ. ред. Н. Б. Карабущенко, Н. А. Сунгуровой. Москва: РУДН, 2015. С. 316–329.
11. Сунгурова Н. А. Индивидуально-личностные особенности студентов в информационно-психологическом пространстве. Москва: РУДН, 2014. 170 с.
12. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков – пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты: труды по социологии образования. Т. V. Вып. VII / под ред. В. С. Собкина. Москва: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.
13. Астафьева О. Н. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. 2007. № 776. С. 120–133.
14. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки / отв. ред. И. С. Семененко. Москва: РОССПЭН, 2012. С. 67–70.

15. Зудилина Н. В. Мотивы использования анонимности в киберпространстве Интернета как фактор формирования идентичности человека // Известия ВолгГТУ. 2013. Т. 13, № 9 (112). С. 63–68.
16. Выгонский С. И. Обратная сторона Интернета: психология работы с компьютером и сетью. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 316 с.
17. Deller R. A., Tilton A. Selfies as charitable meme: Charity and national identity in the #nomakeupselfie and #thumbsupforstephen campaigns // International Journal of Communication. 2015. № 9.
18. Rheingold H. Net Smart: How to Thrive Online. Cambridge: The MIT Press, 2012.
19. Whitty M. T. Liar, liar! An examination of how open, supportive and honest people are in Chat rooms // Computers in Human Behavior: journal. 2002. № 18 (4). С. 343–352.
20. Шевченко И. Некоторые психологические особенности общения посредством Internet // Флогистон: Психология из первых рук. 27.05.2007 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko> (дата обращения: 19.02.2018)
21. Back M. D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S. C., Egloff B., Gosling S. D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science. 2010. № 3. P. 372–374.
22. Wilson R. E., Gosling S. D., Graham L. T. A Review of Facebook Research in the Social Sciences // Perspectives on Psychological Science. 2012. № 3. P. 203–220.
23. Костерина И. В. Публичность приватных дневников: об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 3. С. 183–191.
24. Doering N. Sozialpsychologie des Internet. HogrefeVerlag, 2003. 516 s.
25. Eisenlauer V. Facebook: A multimodal discourse analysis of (semi-)automated communicative modes // Interactions, Images and Texts: A Reader of Multimodality / ed. by C. Maier, S. Norris. Berlin: de Gruyter, 2014.
26. Garde-Hansen J., Gorton K. Emotion On line: Theorizing Affect on the Internet. London: Palgrave Macmillan, 2013.
27. Emelin V. A. & Tkhostov A. S. Babel network: the erosion of truth and identity diffusion in the space of the Internet // Problems of Philosophy. 2013. № 1. P. 74–84.
28. Фарахутдинов Ш. Ф., Дейнеко С. В., Устинова О. В. Роль СМИ в духовно-нравственном развитии общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1/1. С. 1412.
29. Фетисова О. В., Гугуева Д. А. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах // Вестник НГУЭУ. 2016. № 2. С. 251–255.
30. Арпентьева М. Р. Проблемы безопасности в интернете: цифровая беспризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78).

References

1. Myasnikova L. A., Drozdova A. V., Arkhipova Yu. V. Visual representation of everyday life in the modern media community. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2014; 19: 168–172. (In Russ.)
2. Borishevsky M. Y. Дорога до себе: від основ суб'єктності до вершин духовності. Kiev: Publishing House Akademvidav; 2010. 416 p. (In Ukrain.)
3. Gnatenko P. I. Nacional'naja psihologija = National psychology. Dnepropetrovsk: Publishing House Polygraphist; 2000. (In Russ.)
4. Schneider L. B. Digital addicts: The formation of new dependencies and a change in the personality of a young person. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya = Actual Problems of Psychological Knowledge*. 2017; 1: 72–80. (In Russ.)
5. Soldatova E. L. Ego-identity in the normative crises of development. *Voprosy psihologii = Questions of Psychology*. 2006; 5: 74–84. (In Russ.)
6. Soldatova E. L. Investigation of the social situation of development in the crisis of transition to adulthood. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences*. 2005; 7 (47): 169–175. (In Russ.)
7. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. Relationship of ego-identity and personal maturity. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologija = Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2015; Vol. 8, 1: 29–34. (In Russ.)
8. Voiskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Network and real identity: comparative study. *Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki = Journal of the Higher School of Economics*. 2013; V. 10, 2: 98–121. (In Russ.)
9. Voiskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Alternative identity in social networks. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 = Herald of the Moscow University. Series 14*. 2013; 1: 66–83. (In Russ.)
10. Sungurova N. L. Virtual'naja samoprezentacija lichnosti: gendernyj aspekt = Virtual self-presentation of the person: Gender aspect. *Psihologija i pedagogika XXI veka: teorija, praktika i perspektivy = Psychology and Pedagogy of the 21st Century: Theory, Practice and Prospects*. Ed. by N. B. Karabushchenko, N. L. Sungurova. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2015. P. 316–329. (In Russ.)
11. Sungurova N. L. Individual'no-lichnostnye osobennosti studentov v informacionno-psihologicheskom prostranstve = Individual and personal characteristics of students in the information-psychological space. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2014. 170 p. (In Russ.)
12. Zichkina A. E., Belinskaya E. P. Self-presentation in virtual communication and identity features of adolescents – Internet users. *Obrazovanie i informacionnaja kul'tura. Sociologicheskie aspekty: trudy po sociologii obrazovanija = Education and Information Culture. Sociological Aspects. Works on the Sociology of Edu-*

cation. Moscow: Center for the Sociology of Education of the Russian Academy of Education. 2000; Vol. V. VII: 431–460. (In Russ.)

13. Astafieva O. N. Virtual communities: “Networked” identity and personality development in networked spaces. *Вісник Харківського національного університета: Теорія культури та філософія науки* = *News of the Kharkiv National University: Theory of Culture and the Philosophy of Science*. 2007; 776: 120–133. (In Russ.)

14. Fadeeva L. A. Setevaja identichnost' = Network identity. Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: slovar' terminov i ponjatij v 2 t. T. 1. = Political identity and identity policy: a dictionary of terms and concepts in 2 vol. V. 1. Identichnost' kak kategorija politicheskoy nauki = Identity as a category of political science. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow: Publishing House ROSSPJeN; 2012. P. 67–70. (In Russ.)

15. Zudilina N. V. Motives for using anonymity in the cyberspace of the Internet as a factor in the formation of human identity. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* = *Bulletin of Volgograd State Technical University*. 2013; V. 13, 9 (112). P. 63–68. (In Russ.)

16. Vygon'sky S. I. Obratnaja storona Interneta: psihologija raboty s komp'juterom i set'ju = The reverse side of the Internet: The psychology of working with a computer and a network. Rostov-on-Don: Publishing House Phoenix; 2010. 316 p. (In Russ.)

17. Deller R. A., Tilton A. Selfies as charitable meme: Charity and national identity in the #nomakeupselfie and #thumbsupforstephen campaigns. *International Journal of Communication*. 2015; 9.

18. Rheingold H. Net Smart: How to thrive online. Cambridge: The MIT Press; 2012.

19. Whitty M. T. Liar, liar! An examination of how open, supportive and honest people are in Chat rooms. *Computers in Human Behavior*. 2002; 18 (4): 343–352.

20. Shevchenko I. Some psychological features of communication through the Internet. *Flogiston: Psihologija iz pervyh ruk* = *Flogiston: Psychology at First-Hand* [Internet]. 2007 May 27 [cited 2018 Feb 19]. Available from: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko> (In Russ.)

21. Back M. D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S. C., Egloff B., Gosling S. D. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*. 2010; 3: 372–374.

22. Wilson R. E., Gosling S. D., Graham L. T. A Review of Facebook research in the social sciences. *Perspectives on Psychological Science*. 2012; 3: 203–220.

23. Kosterina I. V. Publicity of private diaries: On the identity of Runet blogs. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* = *Inviolable stock: Debates about Politics and Culture*. 2008; 3: 183–191. (In Russ.)

24. Doering N. Sozialpsychologie des Internet. HogrefeVerlag, 2003. 516 s.

25. Eisenlauer V. Facebook: A multimodal discourse analysis of (semi-) automated communicative modes. *Interactions, images and texts: A reader of multimodality*. Ed. by C. Maier, S. Norris. Berlin: de Gruyter; 2014.

26. Garde-Hansen J., Gorton K. Emotion On line: Theorizing affect on the Internet. London: Palgrave Macmillan; 2013.

27. Emelin V. A. & Tkhostov A. S. Babel network: The erosion of truth and identity diffusion in the space of the Internet. *Problems of Philosophy*. 2013; 1: 74–84.

28. Farakhutdinov Sh. F., Deineko S. V., Ustinova O. V. The role of mass media in the spiritual and moral development of society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = *Modern Problems of Science and Education*. 2015; 1/1: 1412. (In Russ.)

29. Fetisova O. V., Gugueva D. A. Values of modern Russian youth in real and virtual societies. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya* = *Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management*. 2016; 2: 251–255. (In Russ.)

30. Arpentieva M. R. Problems of security on the Internet: digital homelessness as the cause of digital dependence and digital crime. *Vestnik Prikamskogo social'nogo institute* = *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2017; 3 (78). (In Russ.)

Информация об авторах:

Солдатова Елена Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующая кафедрой психологии развития и возрастное консультирование Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. E-mail: soldatovael@susu.ru

Погорелов Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник ГБУ ДПО Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования, Челябинск, Россия. E-mail: pogorelovdn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2018; принята в печать 18.04.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Elena L. Soldatova – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Head of the Department of Developmental Psychology and Age Consultation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: soldato-vael@susu.ru

Dmitry N. Pogorelov – Junior Research Fellow, Chelyabinsk Institute of Retraining and Advanced Training for Educators, Chelyabinsk, Russia. E-mail: pogorelovdn@mail.ru

Received 12.01.2018; accepted for publication 18.04.2018.
The authors have read and approved the final manuscript.